

Иван

БАРАННИКОВ

АМАМХОТЛЫМН'ЫЛО

СКАЗКИ ОБ ЭМЭМКУТЕ

Эмэмкут и богатырь

Когда это было?

Однажды Эмэмкут сказал Куйкиняку:

— Эх, пошел бы я к богатырю, о котором говорят, что он очень силен. Испытал бы его силу в борьбе.

— Ничего тебе не сделать с ним, пока ты слаб,—сказал ему отец.—Если сильным не будешь, лучше не ходи к нему.

Целый год Эмэмкут бегал на лыжах, подбрасывал вверх тяжелые камни. Потом пришел к отцу. Куйкиняку ему и говорит:

— Что ж, проверю тебя. Иди в тундру. Там есть камень. Я, когда молод был, играл с ним. Если сможешь этот камень пошевелить, тогда я скажу: «Ты стал сильным».

Нашел Эмэмкут тот камень, попробовал его пошевелить, но даже с места не сдвинул.

Еще год минул.

Смело теперь подошел Эмэмкут к отцову камню. Поднатягся и оторвал его от земли. Каждый день Эмэмкут поднимал камень. Скоро камень стал для него таким легким, что казался ему маленьким камешком, и он, играя, подбрасывал его на кончиках своих пальцев.

— Теперь я, наверно, смогу пойти к богатырю,—сказал Эмэмкут отцу.—Я достаточно набрался сил.

— Плохо, еще слаб ты,—ответил Куйкиняку,—и не одолеешь богатыря. Слушай. В большом озере есть два кита. Если сумеешь победить их, тогда смело иди на богатыря.

Нет, не стал еще таким сильным Эмэмкут, чтобы спра-

виться с китами. Посмеялись они над ним и ушли под воду. Рассердился Эмэмкут, сам не зная, на кого, и высоко в небо забросил отцов камень.

Прошел еще год.

Однажды прогуливался Эмэмкут по берегу озера. Вдруг видит—киты мимо плывут и насмеваются над ним.

А Эмэмкут за год сильно окреп. Догнал он китов, схватил каждого за хвост, стукнул их лбами и убил.

— Ну,—сказал Эмэмкут отцу,—теперь я, наверно, могу пойти к богатырю.

— Что ж, иди,—ответил Куйкиняку сыну, а сам подумал: «Наверно, побьет богатырь Эмэмкута». И печаль легла ему на сердце.

Эмэмкут быстро снарядился к богатырю. Когда перед ним предстал, воскликнул:

— Эй, я бороться с тобой пришел!

— Ну-ка, сын, напади на Эмэмкута,—сказал богатырь своему сыну.—Наверно, бедняге Эмэмкуту тебя не одолеть.

Эмэмкут ждать не стал, первым кинулся на сына богатыря, и они начали бороться. Эмэмкут взял его за руку, бросил на гладкий речной лед и ничего от него не осталось. Богатырь вышел из юрты, глядь—нет его сына. Расходился тут богатырь, обхватил Эмэмкута поперек туловища и тоже бросил на лед. Исчез Эмэмкут, только красное пятно осталось.

Как ушел Эмэмкут из юрты, беспокойным стал сон Куйкиняку. «Наверно, погиб мой сын,—часто думал он.—Придется мне силы набирать, чтобы пойти сражаться с богатырем».

И вот ранним утром он надел деревянные лыжи сына Валля. Сначала с большим трудом мог передвигать их, потом побежал на них. Когда Куйкиняку осилил лыжи сына Валля, он надел лыжи Ахатню, попробовал пойти на них, но даже ногами не смог пошевелить. Много минуло времени, прежде чем он смог овладеть этими лыжами.

Тогда надел Куйкиняку лыжи Котган'о и, словно окаменел,—ни ногами, ни руками пошевелить не смог: такие тяжелые лыжи. Лишь через несколько дней он сдвинул лыжи Котган'о, и они заскользили по крепкому насту. Покорились ему вскоре и лыжи храброго Эмэмкута.

И вот настало последнее испытание. С волнением встал

Куйкиняку на свои железные, подбитые камусами лыжи, на которых бегал еще в юности. Как тяжелы они для старых ног. Лишь через несколько месяцев он отправился к богатырю.

Вышел Куйкиняку на склон сопки, поросшей лиственницами, посмотрел—внизу юрта богатыря стоит, дым из отверстия идет. Значит, дома хозяин.

Покатился он вниз, лиственницы примял, как траву, и след проложил, как по траве. У юрты лыжи снял и крикнул:

— Ну, где тут богатырь?! Пусть выйдет и покажет свою силу!

Вот сошлись Куйкиняку и богатырь, стали бороться. Куйкиняку схватил богатыря и бросил его в небо. Богатырь взвился ввысь, и, пока летел, остался от него один скелет. Кости его, падая на землю, мохом обросли.

Куйкиняку пробудил Эмэмкута.

— Ой, кто помог открыть мне глаза?!—воскликнул Эмэмкут.

— Кто еще может,—ласково сказал отец.

Надели они лыжи и отправились домой.

Эмэмкут женится

Как-то отправился Эмэмкут побродить по тундре. Бродил, бродил и вдруг увидел маленькую юрту.

— Ого, а ну-ка зайду! Чья же это юрточка?—подумал Эмэмкут.

Подошел к юрточке и стал ее осматривать. Вдруг вышла из юрты девушка.

— Мы рады гостю,—сказала девушка и, застыдившись, тотчас вошла в юрту. Эмэмкут тоже вошел. Вошел и установился посреди юрты, потому что никто не пригласил его сесть.

Он осмотрелся. С одной стороны юрты был большой полог, в котором находились одни только мужчины, их было очень много. С другой стороны юрты был маленький полог, а в нем лишь старуха и девушка. В мужском пологе—молчание, гостя будто и не видят.

Долго бы простоял так Эмэмкут, но старуха сказала:

— Раз гостем пришел, иди к нам.

И Эмэмкут сразу же уселся в их пологе.

— Откуда вы?—спросил Эмэмкут.

— Мы здешние,—ответила старуха.

— А эти кто?—Эмэмкут кивнул головой в сторону молчавших мужчин.

— Охотники на куропаток.

— Ты одна с дочкой живешь?

— Дочка—моя единственная опора.

— Все ли сейчас дома охотники на куропаток?

— Нет, некоторые ушли осматривать петли.

Вскоре вернулись охотники: одни по одной куропатке принесли, другие ничего не добыли. Кто куропаток принес, стал варить—каждый сам для себя. Когда сварили, есть стали, и опять каждый ели по себе. Никого не пригласили. Окончили есть, сложили объедки и выбросили на улицу.

Девушка тут же вышла из юрты, стала с объедков сухожилия обдирать и в горсть собирать.

Часть сухожилий матери отдала, другую Эмэмкуту протянула.

— Я не голоден,—сказал Эмэмкут.—И всегда так с вами обращаются эти мужчины?

— Всегда,—ответила старуха.

— Есть ли у вас бечевка, чтобы можно было поставить петли на куропаток?—спросил ее Эмэмкут.

— Найдется бечевка,—ответила старуха.

И Эмэмкут пошел ставить петли. На другой день встал пораньше и пошел осматривать петли. Очень много куропаток принес, и старуха принялась их варить. В первый раз наелись досыта старуха и ее дочь.

С этих пор Эмэмкут стал добывать много куропаток, а старуха—сушить и заготавливать впрок куропаточье мясо.

Однажды утром он принес две оленьих туши. Освежала старуха обе туши. Наварила самого жирного мяса, разбудила дочку, и втроем они начали есть. Жадным охотникам на куропаток ничего не дали. А им завидно стало, и они подумали: «Эх, и почему это мы не приветствовали гостя, когда он пришел!»

Живет Эмэмкут в юрте. Оленей добывает, а старуха сушит оленьё мясо.

Как-то Эмэмкут спрашивает старуху:

— Не пора ли твоей дочери замуж?

— Кто ей полюбится, удерживать не буду. Одинокому жить плохо.

— Ну, а за меня отдашь?

Что могла ответить старуха, если давно заметила: любит дочь парня.

Так женился Эмэмкут. Счастливо зажили.

Однажды Эмэмкут сказал:

— Хочу перевезти вас к себе домой, к отцу и матери. Не откажетесь?

— Мы согласны, — ответила старуха. — Перевези нас в свой дом.

Начал Эмэмкут готовить в путь нарты. Взял с собой все оленье мясо. Старуха все кухлянки наполнила сушеным куропаточьим мясом и тоже на нарты уложила, хотя Эмэмкут не хотел это мясо брать. Увязали поклажу и покатывались к стойбищу Куйкиняку.

Домашние, однако, считали Эмэмкута погибшим и сильно печалились о нем.

Первым караван Эмэмкута увидел брат Валля. Обрадовался он и бросился в юрту. Тотчас все вышли встречать Эмэмкута, его жену и старуху.

Миты вынесла из юрты огонь и начала окуривать приезжих. Кишки оленьи, покрытые жиром, в огонь бросали. Кылю и Рэра, братья Эмэмкута, крюками вытаскивали из костра эти кишки и ели.

А тем временем Котган'о подогнал к стойбищу оленье стадо, и началось пиршество: много еды наготовили.

Когда пришла пора спать, Эмэмкут отдельный полог поставил.

Так и начали Эмэмкут с женой и старухой жить в отдельном пологе. Очень хорошо жить.

Хитрый Куйкиняку

Год на год не приходится. Бывает, летом столько рыбы идет, что и девать некуда. А бывает — не наловишь и на ползимы. Случился голодный год и в семье Куйкиняку. Рыбы не съешь — силы нет, а силы нет — куропаток много не поймашь: что несколько куропаток на такую большую семью.

И решил Куйкиняку всех перехитрить. «Дай, — думает, — притворюсь больным, а потом и умру; так, понарошку».

На следующее утро из полога не вышел: охает, стонет. Запричитала Миты:

— Ой, да никак помираешь, старик? Одних нас оставляешь!

— Умираю, — тихо ответил Куйкиняку. — Только, Миты, и вы, сыновья, когда умру, в старую землянку меня отнесите, да не забудьте миску положить, большой котел, огниво и петли для куропаток.

Когда Куйкиняку умер, сыновья его, Валля и Эмэмкут, отнесли отца в старую землянку и оставили там.

А Куйкиняку встал и пошел петли ставить на куропаток да зайцев.

Миты и сыновья голодают, а Куйкиняку толстеет. Толстеет и радуется, как он всех сумел обмануть.

Прошло некоторое время. Вот Миты и говорит сыновьям:

— Навестили бы отца. Лежит он один-одинешенек. Скучно ему, поди.

Валля и Эмэмкут, когда к старой землянке приблизились, запах вареного мяса учуяли. Удивились. На землянку забрались, в дымоход заглянули, и что же они там увидели: возле костра отец суетится. Заметил он сыновей, лег посреди землянки, мертвым притворился.

Вернулись братья домой, однако матери ничего не сказали.

Через несколько дней вновь пошли отца проведать. А Куйкиняку вкусное блюдо готовил — толкушу из жира. Сыновей увидел, вновь мертвым притворился, а когда они скрылись, ворчать стал:

— Ну чего ходят?.. Чего им от меня надо?.. Нет меня... Ох, это проделки Миты.

На этот раз сыновья все рассказали матери. Не поверила она их словам, сама решила все увидеть.

И что же. Когда же в дымоход посмотрела, чуть в костер не свалилась от удивления: Куйкиняку так распарился, что кухлянку снял, голый возле костра сидит, жирное мясо ест.

— Ах ты, негодный обманщик! — закричала Миты и прыгнула вниз. Куйкиняку как увидел жену, с перепугу упал на спину и хотел снова мертвым притвориться. Накинулась на него Миты и давай охаживать, чем под руку попадется.

Долго бранились Куйкиняку и Миты. Устали.

— Знаешь что, Миты,—сказал Куйкиняку.—Бранись ни бранись, а домой идти надо. Зови детей. Я тут много мяса заготовил. Перетаскать надо. Теперь зимой сыты будем.

Сестры

Жил старик. У него не было сыновей, только две дочери. Старик сам добывал себе пищу. Однако вскоре он ослабел и все чаще оставался в юрте.

К весне совсем стало худо. Собрался старик и пошел, пошатываясь, к звероловам. В это время они добыли много зверя и веселились. И больше всех веселился богатырь, который жил у этих звероловов.

— Старик! Зачем пришел?—спросил насмешливо богатырь, глотая большие куски жирного мяса.

— Да жирку хочу попросить у вас,—ответил смиренно старик.

Сородичи знали старика, однако богатырь приказал им не давать старику жиру. Он отрезал ласт от туши новорожденного лахтака, подошел к старику и засунул его в стариковы штаны.

— У тебя нет сыновей,—сказал богатырь,—поэтому ты и бессилён.

Старик пошел домой, лахтачий ласт в штанах понес. Вернулся домой.

— Ну, дочки, разгружайте меня!—крикнул старик дочерям.—Эх, безмужные вы, беззащитные.

Очень разгневались сестры, увидев ласт новорожденного лахтака.

И тогда старшая сестра сказала младшей:

— Нет у нас мужей, и постоять за нас некому. Начнем сами набираться силы и отомстим богатырю.

И сестры начали набираться силы. Так прошло несколько лет. А когда сильными стали, могли любое дерево, даже самое толстое, с корнями вырвать. На исходе пятого года сказали отцу:

— Ну, отец, наверно, вдоволь мы набрались силы.

— Испытать нужно, набрались вы силы или нет,—сказал старик дочерям.—Идите к богатырю.

Тотчас же сестры снарядились и отправились к богатырю.

Стали подходить к поселку, где жил богатырь. Увидел сестер богатырь, кухлянку с себя сбросил и крикнул:

— На кого идете! За своей смертью пришли!

— Ладно, если и умрем, мы только женщины,—ответили сестры.

Очень большую моржовую шкуру разостлали на земле и, встав на нее, богатырь начал натирать снегом плечи, вызывая сестер на поединок.

Старшая сказала младшей:

— Я первая нападу, пускай меня первую убьет.

Бросилась старшая на богатыря, и начали они бороться на моржовой шкуре. Подбросила она богатыря кверху и, падающего, ударила рукой сразу по всем ребрам. Богатырь растянулся на шкуре, даже пошевелиться не мог.

Так окончилось состязание, и сестры вернулись домой.

Как женщины заблудились

Осенью три женщины отправились собирать ягоды. Собирали, собирали и не заметили, как темнеть стало. Направились они домой, но по пути заблудились, потому что осенние ночи очень темны. Женщины, чтобы не потеряться, перекликались. И вдруг встретили необычных людей. Самая старшая из женщин узнала их: оказывается, они своими голосами привлекли к себе злых духов—нинвитов.

— К нам пришли!—воскликнул один из нинвитов.

— Да, пришли,—ответили смело женщины.

— Вот так добыча!—воскликнул второй нинвит.

— Съедем их!—подхватил третий.

Испуганных женщин нинвиты затащили в юрту и сразу начали точить ножи. В страхе женщины подумали: «Эх, хоть бы сказали, завтра днем их съедем!»

Как только так подумали женщины, тотчас один из нинвитов сказал:

— Пожалуй, сегодня слишком темно. Давайте ляжем спать.

Нинвиты согласились. Они привязали женщин к столбам, а сами заснули.

Увидели женщины, что нинвиты спят, развязали зубами свои руки, кухлянки сняли, сухой травой набили и к столбу привязали: получилось, будто спят. Потом взяли

у нинвитов льдинку, уголек, каменный скребок и пустились бежать.

Один из нинвитов вдруг проснулся, тотчас прыгнул на середину юрты и стал искать женщин в темноте. Нашел их, привязанных, на прежнем месте. Схватил нож и воскликнул:

— Никуда вам не уйти! Ну-ка, вставайте живо! Что-то мы проголодались.

Тут подскочил еще один нинвит и начал тыкать кухлянки ножом, удивляясь, что никто не шевелится и не стонет.

— Странно это! — воскликнул нинвит. Потрогал он кухлянки и понял, что набиты они травой.

— В погоню!

И двое нинвитов пустились вслед за женщинами. Они взяли с собой свою собаку.

Вот бегут нинвиты, и один стал уставать. Вернулся он домой. А другой нинвит и его собака продолжали погоню. Вскоре нинвит стал настигать женщин. Он послал собаку вперед. Но едва собака приблизилась к женщинам, те убили ее и дальше побежали.

А нинвит увидел, что собака его лежит и страшно рассердился, ногой ее ударил.

— Вставай, нечего спать!

Посмотрел, а собака мертвая. Дальше побежал. Снова стал женщин настигать.

— Никуда вам не уйти! — крикнул он.

Как только женщины заметили приближающегося нинвита, бросили на землю каменный скребок, и выросла огромная гора. Три года взбирался нинвит на ту гору. Наконец с трудом перевалил ее, и снова начал женщин настигать.

Увидели женщины нинвита и кинули на землю уголек, и встал перед нинвитом огонь. Мечется нинвит, не знает, что же делать. Потом зажмурился и с криком бросился в огонь. Со стоном побежал он по пожарищу. Вся его одежда сторела, остался он голым, и все тело было обожжено. Однако от женщин не отстает, настигает их.

Тогда бросили женщины льдинку, и разлилась широкая река. Подбежал нинвит к берегу. На другом берегу увидел людей, потрошивших рыбу.

— Привет, сородичи! Мои родственники к вам не приходили? — спросил нинвит у людей.

— Здесь твои сородичи! — ответили ему с другой стороны.

— А как же они через эту реку переправились? — спросил нинвит.

— Выпили ее! — ответили ему.

Тогда он лег на берег и начал пить. Да так напился, что не мог даже пошевелиться. Мимо него проносились листья, увлекаемые водой. Он говорил им:

— Друзья мои, не заденьте меня, вдоль того берега плывите!

Однако один листок задел его за брюхо, и он лопнул. Понесла река обессиленного нинвита вниз. Когда со своим жильем поравнялся, крикнул своим сородичам и те вытащили его.

— Ну, как дела? Догнал ли женщин? — стали спрашивать его сородичи.

— Как же, все трех убил, — соврал нинвит.

— И всех съел?

— Всех, — ответил нинвит. — Я добыл, моя и еда.